
Дмитрий КАННУНИКОВ
ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ
ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ

Вечер встречи выпускников

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Каннуников

Ссылка на публикацию

Вечер встречи выпускников

Тупо бреду по песчаному пляжу. Голова трещит от выпитого вчера, во рту, как будто кошки насрали. В одной руке недопитая бутылка «Боржоми», второй пытаюсь ослабить узел и снять через голову галстук. С трудом, но … получается, отбрасываю его подальше, как до этого пиджак и туфли. Наклониться , чтобы снять носки уже выше моих сил. На горизонте показался краешек алого Солнца, посветлело. Носки промокли не только от воды, но и от крови. Волны накатывают на берег, смывают следы на песке, холодят ступни и откатываются, окрасившись в нежно розовый цвет. Дёрнул чёрт спускаться ночью по этой крутой, даже днём еле заметной тропке. Пару раз нога соскальзывала, обрезался об острые края выпирающих камней. Когда спустился, понял, что ходить в туфлях по песку неудобно, снял обувь. От прилива адреналина и выпитого спиртного бросило в жар, снял, и отбросил пиджак. Показалось, что галстук душит – снял, и отбросил его. Иду, жадно отхлёбывая из бутылки, иногда оборачиваюсь, и смотрю на то, как волны смывают следы. В голове мелькают строчки давно написанного стихотворения:

Ты всё пережил тогда,

И часто бывало плохо,

И лишь сигареты и кофе,

Да рваное чувство стыда.

Пытаюсь вспомнить, что было вчера, все эти пустые, никчёмные, пафосные разговоры о судьбе Родины, из уст людей, которые разворовывают всё, до чего могут дотянуться, чтобы на старости уехать жить за границу. Пьяные базары, кто, где и что купил, куда и сколько перевёл денег. Участливые похлопывания по плечу:

- А ты сколько заработал? Всё так же, ютишься в «однушке»? Может тебя устроить редактором в местный «брехунок», может тогда к концу жизни заработаешь на «двушку».

- Да идите вы все. Придут люди в чёрных беретах с красными звёздами и пойдёте вы с вашими семьями яму копать, где вас потом экскаваторами и закопают.

- Ха-ха-ха, а ты смешной, не в этой жизни, даже если придут такие люди, мы уже будем далеко. Суржик посёлок в Альпах строит, мы там все дольщики, у каждого будет своё шале, так что лет через десять все туда жить уедем, пока ТАМ никаких перестановок не будет,- они показывают пальцем наверх, ТАМ, это в Кремле.

Суржик – наш одноклассник, мэр нашего Мухосранка. Вот, оказывается, куда бюджетные деньги уходят.

Ещё помню, стою на веранде со стаканом вискаря, смотрю на закат, за ограждением веранды начинается крутой обрыв, внизу полоска пляжа и тёмно-бирюзовое море. Вдруг ко мне подходит женщина в красивом красном платье и большим, ярко-накрашенным ртом. Людка Сморчкова, в замужестве Очкунова. Тоже моя одноклассница, школьная любовь. Теперь в городской администрации какая-то шишка. Муж её тоже в администрации, но должностью ниже, типа водителя. Она пьяно улыбается, потом опускается на колени передо мной, расстёгивает ширинку, дастаёт мой вялый член и начинает его облизывать. С Людкой мы периодически встречаемся. Муж её уже в жопу пьяный лежит в номере, это часть ритуала встречи выпускников. Мужики обычно приезжают без жён, в крайнем случае, с любовницами, а женщины, если замужем, то приезжают с мужьями, которые уже в начале вечера становятся жутко пьяными, и их уносят в номера. С мужьями приезжают только Людка, Светка и Ленка. Катька, Жанка и Ольга, в разводе, приезжают одни, на своих красивых тачках.

Я ставлю стакан на перила ограждения, наклоняюсь, беру её за бока и приподнимаю, она выпрямляет ноги, продолжая облизывать член. Я задираю подол, трусики она, как всегда, не надела. Попка спортиная, но слегка отвислая, возраст, хотя точно знаю, что она ходит в зал, вместе со Светкой, Жанкой и Ольгой. С ними я тоже периодически встречаюсь. Она приподняла задницу и я вижу коричневую дырочку. Плюю на пальцы и смазываю попку, продавливая внутрь, потом плюю ещё раз и ввожу два пальца ей в сфинктер. Она вздрагивает, начинает облизывать интенсивнее, член напрягается, она заглатывает его в рот и стонет. Я согнутыми пальцами стараюсь расширить дырочку. Когда член встал, я разворачиваю её, она упирается руками в перила,

ещё выше задирает попу. Между ног большое красное влагалище, в окружении малиновых губ, раскрытых как лепесток розы. Конечно, мой член маловат для такой дыры, но мы давно приноровились. Я вставляю большой палец ей в попу и грубо вхожу в пышащую жаром дыру. Сильными толчками начинаю поддавать, ягодицы трясутся как желе, одновременно потихоньку шевеля большим пальцем. Она начинает кричать, второй рукой я сжимаю её большую, обвислую грудь. В какой-то момент она начинает скулить и у неё дрожат ноги, я вытаскиваю палец и вставляю член, беру её руками за таз, чтобы она не упала и начинаю поддавать.

- У-у-у, ай, ай, хватит, хватит, ай,- она дёргается, она скулит, она пытается упасть, но я её держу, в какой-то момент приподнимаю её, сильно вгоняя член, и кончаю.

Отпускаю её, она падает на колени, продолжая конвульсино дёргаться, подвывая на низкой ноте. Я знаю, это ещё не конец. Она разворачивается, хватает ртом обмякший член и начинает слизывать с него всё, что осталось, а я смотрю, как из попы у неё медленно вытекает клейкая, полупрозрачная сперма и течёт по бёдрам.

Когда же кончится этот пляж? Вижу впереди валун, добредаю до него, сажусь, выпиваю залпом воду и бросаю бутылку в воду. Ветерок, свежий, начинает знобить. Голова разламывается:

- А-а-а-а,- кричу я солнцу, на которое больно смотреть, уже треть огненного диска поднялось над водой.

Песчинка в пустыне слов,

И часто кричал от боли,

И думал, что кто-то отмолит

Сотни забытых грехов.

Зовут меня Саня Грошев или известный в узких кругах блогер, поэт, писатель и журналист Гаврош. В нашем Мухосранске я единственный «независимый» журналист и блогер. Люди вокруг считают, что мне слишком многое позволено, но… есть правила, которые не стоит нарушать, иначе в твоём кармане могут случайно оказаться наркотики во время полицейской облавы, могут найти пьяного с окровавленным ножом в руке рядом с убитой проституткой, или же, ты

просто можешь исчезнуть, сесть, например, в единственный поезд, который ходит в Москву, но в Москву не приехать. Уехал человек и уехал, кому какое дело. Пишу я в основном о культурной жизни нашего городка, иногда делаю рекламу местным предприятиям и салонам, придумываю разные рекламные лозунги, делаю макеты рекламных листовок, этим и живу. Тем боле, что владельцы этих самых салонов-магазинов и предприятий – мои одноклассники.

- За наш дружный десятый «Б»,- слышу я очередной тост из-за двери ресторанчика.

По мнению моих друзей и одноклассников – я пьяница, бабник и неудачник.

Первая жена убежала от меня с годовалой дочкой, когда мы приехали с ней из Москвы после окончания института. Она сама была родом из небольного сибирского городка. Её бесило всё, что все про всех знают, что в городе нет культурной программы, плохо с работой. Я тогда устроился работать инженером на вагоноремонтный заводик, который обслуживал наше ДЕПО. Вечером вернулся с работы, а жены и дочки след простыл. Осталась только записка, что не хочет жить в таких условиях и не затем она поступала в Московский институт, чтобы уехать потом в такую же жопу, из которой она выбралась. Я потом в Москве встретился с дочкой. Не очень у неё всё сложилось. Она пыталась найти себе мужа – москвича, чтобы получить прописку, но москвичам она не нужна особо была, с прицепом в виде ребёнка. Мыкались они по каки-то углам, общагам, денег не хватало, хотя я исправно платил алименты на ребёнка. В итоге встретила какого-то приезжего, как и сама мужичка, с которым снимает в Москве квартиру. У мужика где-то на Урале семья, дети, но… это уже её дела. Второй раз я женился, когда умерла мама. Меня окрутила бойкая девчонка из деревни. Я тогда запил, а она как-то появилась в моей жизни, привёл кто-то из знакомых. Она стирала, убирала, подливала, готовила, а … потом родила мне сына. Чтобы как-то её отблагодарить я прописал её в своей «трёшке», которая осталась от родителей. Была ли любовь? Вряд ли. Просто по-пьяни я её трахал, где поймаю, и куда получится, она терпела. И ведь парадокс, когда я бухал, не было денег и нечего было жрать, мы жили вместе. Когда родился сын, я «завязал», вспомнил, как в молодости писал стихи, освоил компьютер. Стал писать статейки в местный «брехунок», открыл свой блог, где писал о местных музыкантах, поэтах и писателях, которых, собственно говоря, было немного. Критиковал их романы, стихи, отчего нажил среди них много врагов, но… у меня появились свои подписчики, которых на сегодняшний день аж целых три тысячи двести восемьдесят один. Для города с населением в четыреста пятьдесят восемь тысяч – это, поверьте мне, рекорд, тем более, что половина жителей не знают что такое компьютер. Потихоньку у меня стали появляться деньги, мы

стали нормально одеваться, ездить отдыхать и хорошо кушать. Но жене вдруг стало со мной скучно. Она подала на развод, мы разменяли «трёшку» на две «однушки» и она удачно вышла замуж за какого-то работягу, который оказался другом детства из её деревни.

Место это мы с сыном нашли давно. Как-то появились деньги, заплатили хорошо за статью о местном агрокомплексе, который возглавлял мой однокашник Вадька Скворцов. Вернее, все в городе думают, что он хозяин, но мало кто знает, что он простой управленец и владелец всего трёх процентов акций, а настоящие владельцы мэр Суржик- Васька Суржиков, вернее его младшая четырнадцатилетняя дочь, которая имеет 51 процент акций, контрольный пакет, и младший сын прокурора города, пятнадцатилетний пацан, который даже в школе учится на тройки, владеет 40 процентами акций агрохолдинга. Местным там платят по 7-8 тысяч в месяц, зато хохлам и таджикам, которых привозят вахтами, по 15-20 тысяч. Местные пытались бастовать, но смутьянов как-то сразу всех и случайно поймали на кражах, завели уголовные дела и люди поняли, что бороться за справедливость в нашем городе бесполезно, закона нет. «Быдло, - как сказал вечером на фуршете Суржик,- пусть знают своё место, а то вообще бесплатно заставим работать». Но в статье написал про другое, хвалил агрохолдинг, передовые технологии, высокое качество продукции, о том, какую пользу приносит нашему государству. Всё это нужно было, чтобы протолкнуть продукцию холдинга в крупную московскую сеть магазинов. Мне хорошо заплатили, статью напечатали в крупном московском издании, Васька, вернее Суржик, получил большой контракт и бабки потекли ему в карман, а я решил отдохнуть с женой в Крыму. В ЖЖ случайно нашёл фотки этого места и описание, как туда добраться. Жена вдруг поехать с нами не смогла, то ли заболела, то ли на работе попросили остаться, не помню. А мы с сыном сели на поезд и поехали отдыхать. От Симферополя на автобусе четыре часа до посёлка, там сняли летнюю кухню у бабульки. Посёлок рыбацкий, небольшая пристань в бухте, пляж километрах в трёх, загаженный приезжающими туристами. Мы пошли в другую сторону, дорога шла вдоль моря, но в гору. К морю крутой обрыв. Заканчивалась большой площадкой, где-то триста на семьсот метров, внизу песчаный пляж, шириной метров десять, но спуститься на него практически невозможно, небольшая тропка по почти отвесной тридцатиметровой скале, километра два, по краям в море утёсы, такой полумесяц. Можно, конечно приплыть на этот пляж на лодке, вокруг утёса, некоторые местные так и делали, но чистоту блюли строго. А какой вид! На площадке стояла старая «кафешка», внутри было душно и стояло всего четыре столика. На улице пластиковые столики, стулья, большие зонты, солнце и свежий морской воздух. Вино было домашнее, хорошего качества, шашлык отменный, но самое главное – это вид. От посёлка пять километров, да ещё в

гору, но мы ходили сюда с сыном каждый день. Уезжать не хотелось. На следующий год поехать не получилось, разводились с женой, делили имущество, потом тоже не удавалось.

В это время в город вернулась Жанна, моя одноклассница. Она была замужем за каким-то богатеем в Москве, родила ему дочь, но потом, якобы застукала его в постели с любовницей, которая была её подругой, я подозреваю, что это всё было подстроено самой Жанной, развелась, отжала у бывшего мужа половину бизнеса, потом ему же эту половину и продала. Вернулась с дочерью в наш Мухосранск. Открыла пару столовых общепита и ресторан «Подворье» для ВИП персон, за городом. Она знала, что делала. Купила кусок земли на берегу реки. Построила аппартаменты. Там можно было всё, самые молодые и элитные проститутки, сауна, бассейн, крутые номера, самая элитная выпивка. Сюда приезжали со всей области отдохнуть богатые люди. Охота, рыбалка, девочки, спиртное. Наркотиков не было, не держали, но это не мешало привозить их самим клиентам. Был случай, когда один московский гость нанюхался кокаина и стал стрелять из привезённого с собой пистолета в персонал. Ранил официантку и охраника, который хотел его остановить. Дело замяли, естественно, ведь пригласил отдохнуть его сам прокурор, а гость оказался какой-то шишкой в правительстве. Все за молчание получили хорошие деньги, а Жанна потом открыла ресторан в Москве. Дочка её вернулась к отцу, а у нас какое-то время были отношения.

Помню, сидел вечером, рассматривал фотки с отдыха, вспоминал чудесные деньки и закат на площадке, потягивал из стакана дешёвый, невкусный вискарик, как вдруг кто-то позвонил в дверь. Я открыл, за дверью стояла пьяная Жанна, с початой бутылкой пятнадцатилетнего «Гленливета»:

- Приве-е-ет!

- Привет,- я растерялся, не ожидал.

- Пустишь одноклассницу?

- Заходи.

Она была красива, стройная, подтянутая, высокая, с дорогим макияжем, в красном облегающем платье, на высоких каблуках. В школе она была самой красивой девчонкой. К ней постоянно клеились парни постарше. Конечно, я её тогда хотел, иногда видел её в соих эротических снах, но понимал, что она недоступна.

- Что де-е-елаешь?

- Да вот, смотрю фотки, ездил в Крым с сыном отдыхать.

- А я-я-я, вот, пришла, мы сидели с девчонками в баре, с Людкой и Ленкой. Они раскололись, сказали, что ты с ними иногда трахаешься.

- Ну, и что?

- А меня никто давно не трахал.

- Так ты свистни, придут и трахнут, дело не хитрое.

- Хи-и , ик, -итрое, меня по разному трахали, иногда много мужиков сразу. Я ведь в Москве проституткой была, но… ик, элитной. Меня в порнухе снимали, немцы.

- Ну, отлично, я -то тут при чём?- честно говоря, даже испугался, что мечты сбываются. Сколько раз я её трахал в своих фантазиях, но подойти боялся, а тут вот она, пьяная и делай с ней что хочешь.

Честно говоря, я не отличаюсь красотой, статностью. Есть брюшко, ну рост 188, а так, ничего особенного. Одеваюсь тоже средне. Вот и сейчас в майке, трениках, тапочки на босу ногу, к тому же не брился давно.

- А давай выпьем?

- Проходи на кухню.

Она наклонилась, чтобы снять туфли и чуть не упала. Я успел подхватить её, придержал, отвёл на кухню, посадил на стул. Достал чистый стакан с полки, набулькал ей «Гленливета».

- Давай выпьем за дружбу,- язык у неё заплетался.

- Давай,- мы чёкнулись и выпили.

- А где у тебя туалет?

- В коридоре, направо,- туалет у меня совмещённый с ванной,- проводить?

- Я сама.

Она встала, и вышла, пошатываясь в коридор. Я набулькал себе в стакан хорошего виски и стал потягивать мелкими глотками. Да, уж, ситуация. Девушка, которую ты всегда хотел, у тебя дома, пьяная, просит, чтобы её трахнули. А я, что я? Честно говоря, впал в ступор. Не готов был к такому повороту. Ладно, посидим, посмотрим, удивить её точно ничем не смогу, если она в порно снималась, значит, опыт у неё огромный, мне с этими ребятами с

членами по 30 сантиметров не сравниться, я свои возможности знаю. В ванной полилась вода, блин, душ, что ли решила принять? Через пять минут она вышла, голая, завернутая в моё махровое полотенце. Блин, точёные ножки, гладкая, загорелая кожа. Она подошла, я встал ей навстречу и мы поцеловались. Я языком облизал её губы, потом засунул его глубже. Мы целовались минут пять.

- А ты хорош, целоваться умеешь,- сказала она,- налей мне ещё.

Мы чокнулись, выпили, глаза у неё остекленели.

- Ты как?- спросил я.

- Пойду, прилягу.

Она вышла в комнату, я налил себе ещё, выпил и тоже пошёл в комнату. Диван у меня всегда разобран, а что его собирать, если живёшь один, белье вроде недавно менял, чистое. Она лежала на животе, голая и всем видом манила меня. Эх, была, не была.

Я сей ей на спину, лицом к красивой попе, придавил к дивану, ногами зафиксировал её руки. Наклонился, раздвинул широко её ноги и увидел бритую, голенькую киску. Блин, маленькая, узкая щель. У Людки надо сказать вагина большая, сочная и попа растраханная. У Ленки всё средненькое, Ленка анал не любит, но если настоять и хорошо смазать, не отказывается. А тут всё маленькое. Я попробовал просунуть в щель указательный палец, он пролез с трудом, сухо. Я наклонился и провел языком вверх вниз, потом ещё раз, щёлочка расскрылась, я выписал возьмёрку языком, потом засунул язык глубже, кончиком потрогал клитор. Она подо мной тяжело задышала, я зафиксировал её ноги, чтобы она не могла двигаться и начал водить языком по ягодицам, внутренней стороне бёдер. Она задёргалась и застонала. Я продолжил дразнить, лизну клитор, выпишу восьмёрку. Щель раскрылась красным бутоном, я всунул туда палец, продолжая облизывать вокруг, фиксируя ноги локтями, чтобы она не могла их сдвинуть. Она извивалась, кричала, хрипела, но не могла двигаться. Вагина раскрылась, я засунул туда средний и указательный палец в скользкую, малиновую дырку, а большой в анус. Она завизжала, стала грызть подушку, пыталась встать на колени, но не смогла. Потом захрипела и затихла. Я вытащил палец из ануса, собрал слюну, плюнул туда и снова начал двигать им вперёд-назад.

- В попочку, хочу в попочку,- вдруг заскулила она.

Я перевернулся и всунул член ей в попу. Там уже всё было смазано и разработано. Я полетел, чувствуя, как огненный шар подкатывает к голове, я

прохрипел:

- Кончу?

- Да, да,- простонала она и вдруг задёргалась, я выплеснул жидкость ей внутрь и отвалился.

Она встала минут через десять и, пошатываясь, пошла в ванную.

- У тебя всё нормально?

- Угу,- она кивнула головой и скрылась за дверью.

Через пять минут она вышла уже одетая, и пошла в прихожую, стала обуваться, держась за стенку.

- Ты куда?

Она погрозила мне пальцем, и что-то промычала.

- Проводить?

- У-у,- она мотнула головой и вышла в подъезд, хлопнув дверью.

Пока я надевал джинсы, обувался, выскочил на улицу, её не было видно, а на углу дома мелькнули огоньки такси.

Через неделю вечером она завалилась ко мне домой:

- Привет, одевай, что у тебя там есть, нормального, и поехали.

- Куда?

- Узнаешь, костюм есть у тебя нормальный с галстуком?

- Ну, не без этого, выходим иногда в обчество,- с острил я.

Я достал чёрный костюм, шитый на заказ и белую рубашку. Галстуков было пять, я выбрал перламутрово-серый.

- Сойдёт для первого раза, но гордеробчик надо иногда обновлять,- резюмировала она.

- А мне куда? На приёмы не хожу принципиально, в кабаки тоже, не тот уровень доходов, а за хлебом в лабаз сходить и такой костюм сойдёт, если чёрный галстук надеть, так бабки без очереди к кассе пропускают, думают я из похоронного агенства,- пошутил я.

Мы спустились вниз, возле подъезда стояла «Ауди ТТ» красного цвета.

- Твоя коробчонка?

- Моя,- с гордостью сказала она.

- Я хоть помещусь? В ней, наверное, места, как в «Матизе»?

- Поместишься. Спереди места много, сзади да, не комильфо, но мне ведь не холодильники в ней возить. Машинка для девочек. Садись, поехали,- сказала она, заметив интерес местной детворы.

Я отодвинул сидение на полную, плюхнулся, пристегнулся и мы рванули.

Какой русский не любит быстрой езды? Спросите вы. Так вот, я не люблю. Мы пару раз проскакивали на красные, объезжали по "встречке" под мат водителей. Но Жанна невозмутимо рулила вперёд. Мне было страшно, но я сидел с невозмутимым лицом, думая, что если разобьёмся, то вместе. Она тяжело дышала, щёки раскраснелись, глаза блестели, ноздри трепетали. В какой-то момент я положил ей руку на колено и она дрогнула:

- Нет, давай потом,- прохрипела она, - сейчас не могу.

Я сжал колено, потом задрал подол и провёл ладонью между ног. Мы как раз выезжали за город на трассу. Она закрыла глаза и завизжала, входя на скорости в поворот, потом резко надавила на тормоз и мы вылетели на обочину. Если бы не были пристёгнуты, то вылетели бы, наверное, через лобовое стекло. Трусики у неё были мокрыми, я пролез пальцами под резинку и воткнул палец в горячую мокрую дырочку. Она бросила руль, развернулась и впилась своими губами в мои губы, лихорадочно пытаясь отстегнуть ремень безопасности. Я отстегнул её, потом свой. Она наклонилась, пытаясь снять с меня пиджак. Я шевелили пальцами у неё в вагине, потирая бугорок клитора, она шарила руками, пытаясь расстегнуть мою ширинку, я помог. Она засунула туда руку, больно сдавила член, пытаясь вытащить его из трусов. Я перехватил её руку у запястья, вытащил, свободной рукой расстегнул ремень и пуговицу на брюках, стало свободнее, она втащила член из трусов стала его поглаживать, всё это время мы целовались, она даже прикусила мне язык, когда я глубоко засунул его ей в рот. Пальцами я продолжал теребить её клитор и засовывал пальцы глубоко в горячую, мокрую щель. В какой-то момент она извернулась и стала облизывать член, просто облизывать, от яичек к головке и обратно. Я усилил нажим и стал быстрее двигать пальцами в её дырке. Она заглотила член в рот целиком и я кончил ей в рот, без предупреждения, она жадно глотала сперму, стараясь, чтобы ни капли не попала на брюки, сама подрагивая от моих движений.

- Всё-всё, хватит, ехать надо,- застонала она и сильно сжала бёдра,- хватит.

Она откинулась и тяжело задышала, несколько раз бёдра сжимались и разжимались, как тиски, она тяжёло дышала. Когда расслабила хватку, я вытащил руку. Мы посидели немного, тяжело дыша. В какой-то момент её руки перестали дрожать:

- Всё, поехали, нас ждут.

- Кто ждёт, и куда мы едем?

- Узнаешь.

Мы приехали в «Подворье». Во дворе стояли машины, марки которых я даже не знал. «Мазератти», «Ламборджини», «Порше», «Мерседесы», пара «Геликов». По двору слонялись без дела охранники в черных костюмах.

- Что-то я таких тачек в нашем городе не видел.

- И не увидишь, что ж они дураки по городу на таких ездить, народ дразнить. Слуги народа должны быть скромными. На работу она ездят на «Шкодах» и «Ниссанах», а тут частная территория, персонал не болтливый. Видишь «Бентли»? Это мэр наш, Суржиков. На «Ламборджини» Ольга прикатила, она у нас за медицину отвечает в городе, ну ты знаешь. На «Мазератти» её начальница из области прикатила, наверное, опять с очередным любовником, здесь можно всё, отсюда ничего не выходит. Людка на «Рэндж Роверах» помешана, у неё их два, красный и голубой. «Бэха шестая» Ленкина. «Гелики» силовиков, Генки Самохина - прокурора и Ваньки Сидорова – начальника полиции. Банкир наш Костик Нехода предпочитает «Мэрсы», причём в люксовой комплектации, а на работу ездит на старенькой «Киа». Вот Катькина «Вольво», что-то она сегодня скромно, наверное, в её магазинах прибыль упала. Пошли уже.

Мы подкатили к парадному входу. Я еле вылез из машины, открыл ей дверь, помог выйти. Она бросила ключи подбежавшему мальчику в чёрной форменной куртке:

- Поставь в гараж, мы останемся на ночь.

Трёхэтажный отель построен буквой «п», под старину. Богатая лепнина, большие окна, много света, большая веранда. Громко звучит музыка. Окна тонированные, со стороны улицы ничего не видно. Огромная территория, гектаров десять. Помню, был скандал, что в частные руки отдают большой кусок нашего заповедника, но потом, вроде, написали, что новый хозяин будет

заботиться о его состоянии и все замолчали.

- Всё твоё?

- Смеёшься, мне бы не разрешили. Мои двадцать пять, остальное Суржик, Самохин, Сидоров, ещё кто-то по мелочам. Я на правах управляющего и совладельца. Буду плохо себя вести, соберутся акционеры, выкупят мою долю и пошлют меня на хер. Здесь все играют по правилам. Добро пожаловать в клуб.

- Да уж.

Мы вошли в здание, огромный холл, стеклянный лифт, круглые лестницы, слева нараспашку стеклянные двери, музыка, смех, звон стекла.

- Пойдём,- она взяла меня за руку и мы пошли в ресторан.

Казалось нас не заметили, народ стоял кучками, с бокалами, фужерами, стаканами, громко разговаривали, смеялись. Дорогие костюмы, шикарные платья, галстуки за десятки тысяч долларов, швейцарские часы, стоимостью в хороший особняк, бриллианты на серьгах, запонках, кольцах, подвесках и колье. Я почувствовал себя неудобно в своём стареньком костюмчике, растоптанных туфлях. Я снял и положил в карман свои старенькие, позолоченные часы «Чайка», которые давно мне подарили родители на окончание школы.

Жанна махнула официанту с подносом.

- Что желаете?

На подносе стояли бокалы с шампанским, коньяком, стаканы с виски, рюмки с водкой. Я выбрал стакан с вискарём, взял шипцами лёд из ведёрка, бросил три кубика.

- Я сейчас, в порядок себя приведу, носик припудрю,- сказала Жанка и исчезла.

Я отхлебнул из стакана, подержал виски во рту, зажмурился, наслаждаясь вкусом напитка. Это действительно был виски, куда там «Чивасу» или «Балантайнс», помои, здесь чувствовался вкус, я проглотил, постоял, наслаждаясь послевкусием, копчёно-фруктовым. Надо будет узнать, что здесь разливают, хотя не уверен, что потяну даже маленькую бутылочку по моим-то заработкам.

- О, Гаврош, привет!- ко мне подошли Суржиков и Самохин.

- Привет, Суржик, привет, Самоха!- я протянул руку, они опешили.

- Я уже не Суржик, а Василий Алексеевич,- он пожимает руку, но глаза холодные, злые.

- Так и я не Гаврош, а Александр Николаевич,- превращаю я в шутку.

- Ладно, давай на ты,- говорит он и пожимает мне руку, - всё ж таки одноклассники, не один пуд каши в школьной столовой съели..

- Давай,- я улыбаюсь и пожимаю руку Самохину, нашему городскому прокурору.

- А ты теперь с Жанкой?- похотливо улыбается Вадик,- хороша стерва, подмахивает как, ни одна баба в городе так не может, разве только Людка с Ленкой, Катька деревянная, Ольга как была «бешенной целкой», так и осталась, может и трахает её кто, но втихаря.

- Ха-ха,- то же похотливо смеётся Лёшка Самохин,- мы как-то её напоили, пытались развести, не получилось, сжалась в углу, расплакалась, мы ей такси вызвали, а сами проституток заказали.

Мне стало обидно, Жанку я уже считал своей, а тут оказывается её почти все трахали и даже не по одному разу, хотелось сказать что-то резкое этим хозяевам жизни, я уже набрал в грудь побольше воздуха, готовя в голове гневную тираду…

- Привет, мальчики, беседуете,- подошла Жанна.

Она успела переодеться в чёрное, вечернее платье, на шее сверкало бриллиантами колье, браслет с брильянтами, подкрасилась, чудо как хорошо. Я выдохнул и приобнял её:

- Да, вот разговариваем.

- Тогда я пойду с девчонками пообщаюсь, не буду вам мешать.

- Сань, я тут подумал… помощь твоя нужна. Скоро перевыборы, мне нужна предвыборная речь. Мы уже, к сожалению, далеки от народа. Мне сейчас пишет Анна Филимоновна, которая заведует культурой в администрации, но она, по-моему, ещё Ленина живым видела и речи пишет в духе марксизма-ленинизма, а сейчас это уже не прокатывает. Я заплачу хорошо, не волнуйся. Ты ж у нас писатель, поэт, помню "лабал" в школе на гитаре, к народу близок. Возьмёшься?

- Подумать надо.

- Подумай, вот визитка моя, звони в любое время, я на связи,- он протянул мне визитку.

Дальше я помню плохо. Пил, пил и пил. К кому-то подходил, о чём-то говорил, меня несло, даже вырвал у музыканта гитару и спел романс. Все хлопали, а я пил стакан за стаканом. Потом меня нашла Жанна, тоже по ходу пьяная. Она лезла ко мне целоваться, мы целовались, взасос, потом она схватила меня за руку и куда-то потащила. Помню, мы пришли в шикарный номер, пытались даже заняться сексом, но у нас ничего не получилось, не было сил, и мы просто заснули.

Когда проснулся, я сначала не понял куда попал. Огромная кровать, большая комната, огромный телевизор, яркий свет из больших окон. На столике стоят разные напитки и чистые стаканы. Я дотянулся до бутылки с минералкой, открыл и начал жадно пить. Голова болела страшно. Я выбрал бутылку с надписью «Dalmore» и оленьей башкой на бутылке. Немного отхлебнул из горла, подождал, немного полегчало, тогда я набулькал полстакана и стал потихоньку похмеляться. В дверь постучали. Я надел трусы и пошёл открывать.

- Завтрак в номер,- сказал официант и вкатил столик с едой и напитками,- что-то ещё?

- Нет, спасибо, мы сами,- он повернулся и вышел.

Я пошёл умываться, там, в ванной, сидела Жанна и пила шампанское из бутылки.

- Доброе утро.

-Доброе, похмеляешься?

- Да.

- Блин, башка болит, там завтрак привезли, пойдём, позавтракаем.

- Пойдём, только ты оденься, вон халат висит, мужской.

- Тут всегда мужской халат висит, его кто-то до меня одевал?

- Нет, в таких номерах халаты одноразовые, их потом или выкидывают, или челядь домой забирает.

- Ни хрена себе, красиво жить не запретишь.

Она встала в ванной, пена стекала по её красивому телу, мой дружок начал подниматься.

- Нет, только не сейчас, давай позавтракаем, а потом будем весь день валяться в кровати. Вечером я тебе что-то покажу.

Она накинула халат и вышла из ванной, я умылся, почистил зубы. Потом мы завтракали, выпивали, валялись в кровати, смотрели огромный телевизор, потом обедали, целовались, занимались сексом. Мой костюм забрали, почистили, погладили рубашку, начистили до блеска туфли, отчего они стали смотреться элегантнее, что ли. Я весь день попивал виски, отчего чувствовал себя пьяненьким, но не пьяным. Какое-то чувство эйфории и вседозволенности.

Вечером мы гуляли по парку, вообще-то на территории было много строений, конюшня, котельная, какие-то домики, сауна, небольшая пристань для катеров, реликтовый лес. Гуляли, гуляли.

- Пойдём,- сказала Жанна,- видишь вон те развалины?

- Да,- впереди было какое-то строение, почти полностью разрушенное, хаотичное нагромождение блоков и кирпича.

- Я специально так оставила, для антуража, но внутри есть несколько помещений. Это бывший гараж.

- И что там?

- Увидишь.

Мы подошли к металлической двери, надо сказать крутой, с электронным замком. Жанна открыла её пластиковой картой-ключом. За дверью был длинный коридор, когда мы вошли, на стенах зажглись светильники. Серые стены с облезлой штукатуркой.

- Бр-р-р, как в фильме ужасов.

- Да, антуражик ещё тот, для избранных.

Мы прошли по коридору, она открыла одну из железных ржавых дверей тем же ключом. За дверью была комната, с дорогим ремонтом, два кожаных удобных офисных кресла, большой стол. Справа и слева окна, небольшие.

- Не бойся, они тонированные, из комнат их не видно, можем видеть только мы, да и не слышно. Тут хорошая звукоизоляция.

Я посмотрел в правое окно, Там была комната, обычный гаражный бокс, бетонный пол, оштукатуренные потолки, люминесцентные лампы на потолке и

стенах. В углу ржавая бочка. Со стен свисали цепи, веревки, в стену были вбиты скобы, на которых висели устрашающего вида кандалы. Какое-то приспособление, типа брусьев, но с перекладинами разной высоты. Большой металлический стол-верстак, на котором валялись всякие плётки, наручники, резиновые члены и ещё хрен знает какие приспособления. В углу грязная железная раковина. Посередине комнаты стоял обычный «козёл», спортивный снаряд, через который мы прыгали в школе на занятиях физкультурой. Животом на «козле» лежала Людка, ноги и руки её были привязаны к ножкам, жестко фиксирую её в согнутом положении. Голову её фиксировала петля, которая спускалась сверху через специальный блок, отчего голова была поднята в вертикальное положение. Во рту была красная резиновая груша-кляп, затянутая на затылке резинкой.

- Ни хрена себе,- вырвалось у меня.

- Сегодня Ленка наказывает Людку, на следующей неделе будет всё наоборот.

- Пишите всё это?

- Охренел, тут такие люди «отдыхают», охрана проверяет всё, мы все комнаты показываем, всё проверяют, нет, мы в такие игры не играем.

- А эта комната?

- Тут обычно охранник сидит, наблюдает, чтобы, не дай бог, палку не перегнули. Иногда люди забываются. Иногда их врач сидит, если что, чтобы успеть спасти. Когда Людка Ленку наказывает, то муж приходит смотреть или оба, они сядут, вискарь жрут и наблюдают, тихие такие, умиротворённые.

- А Ленка где?

- Сейчас придёт, переодевается в женщину кошку или в медсестру, смотря, что у неё сегодня в программе. В прошлый раз Людка ей дырки заткнула, кроме жопы и клизму поставила, почти ведро в неё накачала, та обосралась знатно, тоже привязанная была, никуда не деться. Так Людка издевалась, затычку ей в жопу вставляла и смотрела, как она эту затычку выстреливает, умора.

- А ты всегда присутствуешь?

- Они сами просят, то же, наверное, чтобы без летального.

В комнату вошла Ленка, в чёрном коротком платьице, в чёрных чулках с поясом. Невысокая, худенькая, плоская грудь, точёные ножки, светлые длинные волосы забраны в пучок. Я залюбовался ею.

- А, ничего интересного, раз трусы не надела, значит страпонить её будет, вот увидишь, а сначала побьёт.

- Откуда знаешь?

- У Ленки бедновато с фантазией, будет её сейчас стегать плёткой.

Ленка в это время взяла большой вибратор, включила его и вставила Людке в большую дырку, которая была открыта как бутон розы. У Людки всё всегда гладко и наглядно. Она, то ли бреет каждый день, то ли эпиляция. Даже на попе нет волос, как у девочки. Этим она мне и нравится. Ленка делают обычно интимную стрижку, у неё курчавятся волосики вокруг сфинктера, но это иногда даже возбуждает, а иногда раздражает, в зависимости от того даст она в попу или нет. Людка затряслась, завыла, но не могла пошевелиться, а Ленка взяла какую-то плоскую доску с дырками и ручкой, похожую на биту, которой играют в лапту и стала сильно бить её по заднице. Людка заорала, задница стала красной, а Ленка лупила сильнее и сильнее, Людкина жопа тряслась как желе. В какой –то момент Ленка успокоилась, вставила ей в другую дырочку металлическую анальную затычку, а сама прикурила. Постояла, посмотрела, как корчится подруга и потушила ей об спину сигарету. Людку трясло и подбрасывало так, что в какой-то момент я подумал, что «козёл» перевернётся. Но снаряд устоял. А Ленка надела на себя специальные трусы с огромными членами.

- Не слишком?

- Нет, Людка привычная, Ленка ей несколько раз кулак в жопу загоняла, ничего, всё нормально.

Ленка вытащила затычку и вибратор, Людка стала успокаиваться, хотя её и била крупная дрожь. Ленка смазала оба члена вазелином и грубо вошла сразу в две дырки, Людка опят забилась в конвульсиях.

- Если хочешь, можешь присоединиться, я ревновать не буду, в конце концов, ты их тоже трахаешь,- сказала Жанна, глядя, как у меня палаткой встали штаны в районе ширинки.

Я скинул пиджак, снял галстук и рубашку.

- Куда идти?

- Выйдешь, налево первая дверь, вот карточка.

Я взял её карточку и пошёл, на ходу расстёгивая ремень.

В комнату я влетел неожиданно для всех, присутствующих. Накинул Ленке на горло ремень, она испугалась, а я оттянул в сторону резинку ей страпоновых трусов и вошёл грубо в задницу. Она заорала и стала быстрее двигать тазом вперёд-назад. Людка зашипела через кляп, фрикции увеличились. Ленка завизжала, я сдавил ремень потуже и кончил в неё. У неё тоже что-то произошло, она упала на колени, тяжело дыша и вздрагивая.

- Ты-ы-ы, ка-а-ак здесь оказался,- промямлила она.

- Мимо проходил, извини, не нарочно.

-А-а-а-а, она попыталась подняться, но ноги подогнулись, я подал ей руку.

Спа-а-асибо,- она приподнялась, опираясь на Людкин зад.

- Ладно, я пошёл,- сказал я и вышел.

Ленка постояла на дрожаших ногах минут пять, потом сняла свои ужасные трусы, взяла нож и разрезала верёвки, которыми была привязана Людка, та просто упала на пол, потом сорвала с себя кляп:

- Что это было?- прохрипела она.

- Это Саня,- так же хрипло ответила Ленка,- я, кажется, кончила, никогда так не кончала, наверное, от страха.

- Хорошо, что не обосралась,- пошутила её подруга.

- А ты хорош,- сказала Жанна, когда я вернулся в комнату, - Ленка фригидная.

- Да не фригидная она, просто долго заводится, можно завести, а никто заморачиваться не хочет, вот и недоёб у неё. Просто испугалась, вот и кончила от избытка чувств.

- А ты разбираешься в этом деле.

- Не то, чтобы, просто иногда чувствую.

Проснулся и надо идти,

И думаешь, всё будет круто,

Но снова холодное утро,

И всем с тобой не по пути.

У нас с Жанной завязались отношения, ну как отношения, она иногда стал ко мне приезжать в гости. Мы напивались вискарём, трахались, потом она рассказывала новости местного бомонда. Я написал речь для нашего мэра, получил за это баснословные бабки, целых двадцать тысяч баксов. Речь имела успех у людей, все шли на выборы в предвкушении, что что-то измениться, но… ничего не изменилось. Я пригласил Жанну в Крым, на поезде она ехать отказалась, пришлось потратиться на самолёт. Мы приехали в это место. Старая «кафешка» развалилась, было холодно, ветер дул нещадно, но закат впечатлял. Мы замерли, долго любовались тонущим в море светилом. Я обнял её, чтобы согреть, потом достал колечко, которое купил ещё в Мухосранске, золотое, с небольшими камешками:

- Выходи за меня.

Она отпрянула:

- Ну вот, надо же было испортить впечатление. Саня, убери кольцо. Я уже была замужем и больше туда не собираюсь. Тем более за тебя,- гневно крикнула она, потом слегка оттаяла,- давай постоим, полюбуемся, мне с тобой хорошо, иногда, но я не вижу в тебе опоры, я привыкла к другой жизни, которую ты мне не сможешь дать. Извини.

- Я понял, это ты меня извини, со свинным рылом, да в калашный ряд, понимаю,- сказал я и пошёл по дороге вниз, к посёлку.

- Да ничего ты не понимаешь,- крикнула она мне в спину, но ветер унёс их в море, или мне послышалось, что она крикнула, или хотелось, чтобы послышалось.

Она спустилась вниз через час, продрогшая, но какая-то осенённая, что ли. Села в арендованную нами машину. До самого Симферополя мы молчали.

- Ты знаешь, а мне понравилось это место,- сказала она, когда мы садились в самолёт, - спасибо, что показал.

- Пожалуйста.

Больше она ко мне не приходила. Говорят, когда Крым стал «Крымнаш», она купила эту землю, вернее площадку и построила там элитный отельчик, небольшой, для своих. Туда летом приезжали чиновники городской и областной администрации, приезжали важные люди из Москвы. Проводились важные переговоры. Конфиденциальность она гарантировала.

А я погрузился в работу. Статьи, рекламные слоганы, даже начал писать серьёзную книгу, размышляя о том, кому на Руси жить хорошо. Заказы посыпались, как из рога изобилия, иногда за какую-то грошовую фигню мне платили вполне себе отличные деньги. Я стал хорошо одеваться, дома появился запас хорошего, дорогого спиртного. Меня стали приглашать на всякие музыкальные мероприятия, чтобы я освятил их потом в нужном свете в своём блоге.

Как-то вечером мне позвонил Коляша, мой одноклассник. Коляша был следователем в отделе полиции, вечным капитаном, принципиальным, честным, неподкупным. Часто жаловался, что сами же коллеги разваливают дела, если эти дела касаются местной элиты, и на полную катушку дают сроки простым гражданам.

- Сань, привет, узнал?

- Конечно, у меня же стоит определитель номера на сотовом, и ты записан, как Коля-мент,- пошутил я.

- Ты, вечером, что сегодня делаешь?- как-то смущённо спросил он.

- Свободен.

- Может в «Звезде» соберёмся, посидим.

- Ого, что за повод, день рождения у тебя через месяц?

- Узнаешь.

- Хорошо, договорились, во сколько?

- В семь.

- Замётано.

«Звезда» самый крутой ресторан в нашем Мухосранске, и повод, наверняка, очень серьёзный, если Колька собрался сидеть там. Обычно денег у него хватало на пару кружек пива в дешёвых рыгаловках.

Когда я пришёл в ресторан, там сидели Коля и два его сослуживца, лейтенант Семёнов и страший лейтенант Сологуб, молодые опера.

- Что за праздник,- весело спросил я,- за чей счёт банкет?

- Николай Иванович получил очередное звание,- гордо сказал Семёнов,- вот обмываем.

- А что грустные такие?

- Вас ждём, без вас велено не начинать,- сказал молодой, он налил полный фужер водки из графина,- ну, товарищ майор.

Коля достал две большие звездочки и бросил в фужер. Семёнов нали три рюмки.

- С очередным,- сказал я тост, мы подождали.

Коля выпил весь фужер залпом и выплюнул в руку звездочки. Мы выпили и крикнули троекратное «Ура». Народ за соседним столиком стал на нас обращать внимания. Мы ещё пили, разговаривали:

- Коль, а что это ты вдруг по служебной лестнице скакнул, случилось что?

- А товарищ майор пару дел закрыл удачно,- вставил своё слово Сологуб.

- Как закрыл?

- Давай не будем об этом,- сказал Коля,- давайте выпьем.

Выпили. Потом ещё выпили, потом ещё. Младшие куда-то делись и мы остались один на один.

- Понимаешь, Саня, я сволочь,- пьяно вещал, заплетающимся языком Коля,- сво-о-о-лочь.

- Объясни,- пьяно вещал я.

- Не буду.

Так я и не узнал тогда, за что он получил майора.

Через полгода он опять позвонил:

- Сань, привет, ты едешь на встречу выпускников?

- Куда?

- В Крым, там Жанка новый отель открыла, сезон закончился, можно собраться. Купаться уже холодно, но время провести хорошо можно.

- Да, меня не приглашали.

- Значит пригласят.

- Пригласят – поеду.

Потом позвонила Жанна, Людка, Ленка, уговаривали поехать. Я набрал Коляна:

- Ты как самолётом?

- Нет, я на машине, хочешь, поехали со мной.

- А как туда на машине, через хохлов?

- Нет, паромом до Керчи, а там недалеко.

За мной он приехал на «Прадо».

- Ни хрена себе, ты стал коррупционером?

- Нет, накопления, квартиру продал родительскую, на чёрный день откладывал, а потом решил, когда он ещё настанет.

- Не трынди, такая тачка стоит три квартиры.

Он промолчал. Странно. Я как-то встретил на улице Семёнова, спросил про Колю, но тот как-то сразу скомкал разговор, сказал, что всё у товарища майора теперь будет хорошо и быстренько смылся.

- Коль, так откуда это всё? Машина, звание? Ты же честный, неподкупный, вечный капитан. На таких, как ты, вся полиция держится.

- Понимаешь, Саня, все под кем-то ходят, кого-то крышуют, кому-то платят. Это жизнь. Пацаны молодые через звания перескакивают, уже подполковники, полковники, а у меня одни кредиты.

- То есть ты стал брать взятки, крышевать армян на рынке?

- Нет.

Я понял, что тема для него неприятная и больше старался этого вопроса не касаться.

Заговорили про наших одноклассниц:

- Людку на улице встретил, так она мне чуть в штаны не залезла при всех. Проститутка, блин.

- А чё, трахнул бы её на улице,- сказал я,- она везде подмахнуть может, даже в подъезде.

- Пробовал.

- А то.

- А Ленка.

- Ленку уламывать надо, она Людку имеет, а Людка её.

- Лесбиянки?

- Да, нет, скорее садо-мазо,- и я рассказал ему, что видел в Подворье, в конце концов с меня никто слово не брал, что я буду молчать.

- Ни хрена себе, а Ольга?

- Ольга, как девочка, её после выпускного Самоха с Суржиком в лес отвезли, изнасиловали. Помнишь, папа Самохе свою «Волгу» давал покататься. Олины родители тогда заяву написали, но Самохин папа шишка тогда был, он всё так подставил, что она, типа пьяная к ним сама приставала и себя предлагала. У неё выбор был или дальше идти бороться, что бесполезно было, или деньги взять, по тем временам большие.

- И?- зло спросил он.

- Что и? Ты знаешь, как это делается, у вас же это отработано в ментовке.

Он с силой сжал руль, так, что даже пальцы побелели:

- Не знал.

- Да я и сам узнал, случайно. Я на третьем курсе забухал, в город приехал из Москвы, а местные на студенческий фестиваль ехали в область. Попросили спеть что-нибудь своё, "незамыленное", я с ними и подорвался. Там её и встретил, мы в ДК играли. После концерта пошёл её проводить в общагу, ну там и получилось всё.

- Привет, ты как здесь?- она подошла ко мне в фойе, когда ребята сгрудились вокруг своих инструментов и обсуждали, что купить, портвейн или водку.

- Привет, с пацанами приехал - стройненькая, худенькая, в джинсовом коротком платьице, чудо как хороша,- а ты как здесь?

- Профком послал, мы вроде как тут организаторы, вот,- она показал мне свой бейджик «Ольга Смурнова, организатор».

- Круто, а мы играть будем. Парни из техникума, а меня пригласили пару песен с ними спеть. Пока ехали в электричке, репетировали.

- Надеюсь без мата, а то с матом нельзя?

- Без мата, нешто ж мы не понимаем,- пошутил я, лихорадочно думая, чем заменить матерные слова в моих песнях.

После выступления я нашёл её в фойе и подошёл, когда все разошлись.

- Проводить?

- Ой, а я думала, что все ушли, а тут район рабочий, я боюсь.

- Пошли, уж, чудо, - я её приобнял, она не отстранилась, что само по себе было приятно, но слегка напряглась.

На улице было темно, тропинка к автобусной остановке вела через парк.

- Э, хлопец, притормози, побазарить надо.

Сзади нарисовались трое, в кепках, широких «пирамидах», коротких кожаных куртках.

- Ты иди, я догоню,- подтолкнул я её к выходу из парка и обернулся,- чё, братва, рамсы попутали?

Они остановились, ошарашенные.

- Ты, клоун, закурить дай и не отсвечивай, дай нам девчонку за сиськи потрогать.

Я обернулся, посмотрел, как убегает Ольга и пропустил первый удар в голову. Меня отбросило в кусты, но в тоже время я озверел. Бывает иногда такое со мной, отключается сознание и включаются рефлексы. Когда прибежали наши пацаны, которые пили вино на остановке, то один сидел со сломанным носом и выл, размазывая юшку по лицу, второй держась за яйца сидел на коленях и тоже подвывал. А на третьем я сидел и бил его кулаком в голову, приговаривая:

- Сука, ссука.

Меня оттащили, проверили, тот, который лежал, был живой, но сильно помятый и с разбитой головой. Меня держали за руки, я не мог успокоиться и только

полбутылки портвейна, выпитые из горла, внесли мир и равновесие в мой организм. Я успокоился.

- Пойдём, Оль.

- Подожди, у тебя синяк будет.

- Ты же медик будущий, вот и полечишь,- пошутил я.

Она привела меня в общагу. Я сидел у неё в комнате, в одних трусах, а она делала первичный осмотр, когда она наклонилась, я поцеловал её в губы, провёл языком по её вкусным, дразнящим губам, она не отстранилась, тогда я обнял её, посадил себе на колени и мы стали целоваться. В какой-то момент я поцеловал её за ушком, в шею, лизнул плечо. Она расслабилась, я задрал её платьишко, снял его. Лифчик она не носила, маленькие грудки, с крупными сосками, я лизнул сосок, потом вокруг, оставив влажный след, потом стал целовать, лизать и покусывать второй. Она тяжело задышала, покраснела. Я опять поцеловал её в губы, потом положил её на кровать, наклонился и провёл языком от ложбинки между грудями до пупка, стал опускаться ниже, медленно стаскивая кружевные трусики, она не сопротивлялась, наоборот, помогая. Я снял с неё трусы, но она сжала ноги. Я стал целовать её бёдра, колени, пытаясь развести ноги, она немного сопротивлялась, но когда я коснулся языком клитора, она сама раздвинула ноги, обнажая розовую дырочку, губки были раздвинуты, как крылья бабочки, я лизнул их, попробовал на вкус и она закричала. Она этой ночью кричала много раз. Дырочка у неё была маленькая, мой не очень большой член входил туда с трудом. Это было приятно. Мы кончали раз за разом, отдыхали, снова занимались сексом, заснули только под утро, потные, но счастливые.

Утром она приготовила мне завтрак, я сходил в общий душ, благо были выходные и многие студенты разъезжались по домам. Я начинал её гладить и целовать, потом, когда она возбуждалась, мы занимались сексом, а вечером мне надо было ехать, должна была приехать её соседка.

- Ты выйдешь за меня замуж?

- Прямо сейчас?

- Переедешь ко мне в Москву, переведёшься в московский ВУЗ.

- Не знаю, надо подумать.

- Подумай.

В Московский медицинский её бы не перевели, я узнавал, наш областной ВУЗ не такой престижный, как московский. Я звонил ей в общагу, каждый день, мы подолгу разговаривали, а потом она стала разговаривать всё холоднее и холоднее, потом просто сворачивать разговор, иногда просто не подходила к телефону. Я почувствовал неладное, рванул в область, а она уже живёт с другим парнем в одной комнате и назначена дата свадьбы.

Я забухал, пил три месяца, чуть не провалил сессию, но выкарабкался, а потом женился. Девочка, с которой я переспал, после одной вечеринки, вдруг залетела, аборт я ей делать не разрешил, мы расписались, вскоре родилась дочь, так началась моя семейная жизнь. Потом оказалось, что они с мужем быстро развелись и у меня, мог бы быть шанс, но я уже был женат, и ничего не мог с этим поделать.

И с неба бежит вода,

Но в поисках нового счастья,

Играешь и путаешь масти,

По кругу бежишь в никуда.

- Кстати,- сказал Колян, - я узнал кое-что новое по делу твоей дочери. Сбил её мотоциклист, начальник гаража первой кремлёвской больницы, естественно с ментами у него связи нормальные, они всё сделали так, чтобы он был не виноват. Не указали знаки «Дорожные работы» и «Осторожно дети», не указали, что ударил он её на разделительной полосе, записи с камеры запросили, на которых ДТП не видно, а записи с камер на которых ДТП видно, исчезли, почему-то. Сам начальник местного УВД бегал в прокуратуру закрывал это дело, адвоката твоего прессовали, поэтому он и слился. Короче теперь уже ничего не сделаешь, честь мундира. Деньги, там, конечно, вкрячены, но честь мундира, сам понимаешь, никто же ему не вернёт деньги, а там не один лимончик.

- И как после этого жить и хвалить нашу страну?

- Не страна виновата, а люди, которые сидят у власти.

- И это говорит мне мент, который стоит на страже закона и должен защищать простых людей?

- Простых людей защищала милиция, а полиция защищает ВЛАСТЬ. Вот так вот, брат.

Когда ждали паром увидели в очереди «ТТ» Жанки и «Рэндж Ровер» Людки. Людка ехала с мужем, с ними ехала Ленка, тоже с мужем. Оба этих мужика, немного затраханные жизнью, какие-то сутулые, курили в стороне, нервно оглядываясь на своих жён. Людка и Ленка стояли в обнимку и громко смеялись.

- Привет, девчонки, а где остальные?

- Летят самолётом, а Суржик с телохранителями скоро подъедут, наверное, на другом пароме будут переправляться, не заблудятся,- сказала Ленка.

- О, Коля, а ты без жены?- спросила Людка.

- Так развёлся я, ушла от меня жена к бизнесмену, помогает ему теперь на рынке сумки таскать.

-О-о-о, многообещающе,- протянула Людка и стала строить глазки.

Отель действительно впечатлял. Трёхэтажный, белый, с балкончиками, с красивым парадным входом. Стоянка для машин, площадку обнесли коваными перилами. Пальмы в больших кадках.

- Да, Жан, интересно какие у тебя связи в новом правительстве полуострова, если тебе за такой короткий срок провели сюда электричество, воду и канализацию?

- Просто мы умеем договариваться, построили в посёлке опреснители, привезли кабель, построили подстанцию, в том числе и канализационную. Нормально всё.

- Деньги из бюджета Мухосранска?

- Нет, бюджет Мухосранска идёт на строительство деревни в Альпах, а это спонсоры, банки, надо же им деньги куда-то девать, тем более прибыль, сюда простые люди не ездят, вот ещё лифт сделаю на пляж, вообще будет красота.

Номера нам с Колькой достались по соседству. К нему через полчаса постучалась Людка, а ко мне Ленка. До вечера мы кое-как скоротали время. Ленка постучала в соседний номер и они с Людкой ушли переодеваться в вечерние платья. Мы с Колькой выпили по стаканчику вискаря, надели костюмы и пошли на вечер встречи.

В ресторане был накрыт шикарный стол, там было всё, икра, любое мясо, салаты, канапэ, тигровые креветки и лангусты, любые фрукты. Официанты в белых левреях разносили на подносах напитки. Мужчины в дорогих костюмах, женщины в дорогих платьях, увешанные брильянтами и золотом, как новогодние

ёлки. Суржик в центре зала, телохранители его сидят в углу, отдельно, готовые в любой момент вскочить и защитить, если возникнет какая-нибудь угроза. Все подходят к нему, здороваются, а он вальяжно шутить изволит. И ведь нет здесь Славки Котёнкина, который работает таксистом, Вальки Филимоновой, которая продаёт билеты на вокзале, токаря Витьки Смушкина и друга его машиниста Егора Ефремова. Рылом не вышли, не смогли «подняться», челядь, быдло. Я отошёл в сторону, попивая большими глотками вискарь, потом подошёл к официанту, взял ещё один. Видя моё состояние, ко мне подошла Жанна, в красивом фиолетовом вечернем платье, бриллиантовое колье на шее, серёжки с алмазами.

- Хочешь, расскажу, что Людка отмочила?

- Давай,- хмуро ответил я.

- Короче, решила Людка разнообразить жизнь, половую естественно. Пригласили они с мужем мальчика бармена, смазливого такого, из «Звезды». Пообещали денег, если он с Людкой переспит, а муж посмотрит. Ну, мальчик на Людку залез, без всяких прекрас. А тут муж возьми, вскочи и пристройся сзади, к мальчику. Он от них еле отбился, а наутро заявление накатал в полицию. Наш Коля вопрос решил, дело закрыл, а мальчик получил деньги и уехал учиться в Питер, подальше. Каково, а?

- Да, пидорам у нас тяжело в городе. Помнишь Няшу, парень был такой, поступил в театральный, а через два года вернулся в Мухосранск и объявил, что он гей. И его очень даже не поняли. У нас есть клуб «Романтик», ну, там, бородатые барды и хиппи в подвале ДК собираются. Которые до сих пор думают, что Грушевский фестиваль круче «Вудстока», а портвейн напиток творческий. Так вот, он к ним пришёл, говорит, мол, вы ведь творческая интеллигенция, должны меня понять, а они ему отвечают, типа, пошёл на хер, мы с гомосэками ничего иметь не хотим, и мы их даже презираем. Так и сказали, ГОМОСЭКИ. Сбежал парень из нашего Мухосранска. Куда не пойдёт, издеваются над ним, толкают, в магазине тётка ему продукты отказалась продавать, выгнала. Уехал, туда, где его не знают. Так что попал парнишка. А Колька получается после этого по карьерной лестнице вверх пошёл.

- И ещё кое за что, отмазал младшего Самоху от наркоты, взяли его с поличным.

- Да он же в наглую, на людях нюхает.

- У нас в городе ему всё можно, а вот в Волгограде, сам понимаешь, Колька ездил, отмазывал. Самоха своего мелкого за границу отправил, лечиться в очередной раз, опять в городе взятки вверх поползут, получается, у пацана

народная медицина.

- Ясно, понятно, откуда у него звание, машина и всё остальное.

- А ты думал за просто так дадут.

На вечеринке видел Ольгу, красивую. В скромном коротком платьице, свежая, выглядит, как девочка. От неё весь вечер не отходил какой-то высокий хлыщ в смокинге и с напомаженными, зачёсанными назад волосами.

- Привет, как дела?- подошла Людка, в дорогом, бархатном, красном платье.

- Пойдём,- я схватил её за руку и потащил на улицу, она особо не сопротивлялась.

После секса, особенно такого, я становлюсь расслабленным и умиротворённым, но тут меня понесло, особенно, когда слышишь тосты:

- За медицину! (Да вы, суки, знаете, что такое медицина? В городе ни одного толкового врача. Все аптеки и платные центры принадлежат одной семье, этой сучке, которая в области отвечает за медицину. У нас в области лекарства стоят в три раза дороже, чем в Москве, потому что, у Томары Ивановны постоянно новые любовники, которым она дарит машины и квартиры, а потом заставляет лечащих врачей выписывать пенсионеркам дорогущие лекарства, которые и лекарствами-то не являются. Я сам, грешен, писал тексты для рекламы некоторых БАДов, якобы они от всего помогают.)

- За образование! (Какое образование? Если учителя расписываются за 30 тысяч, а на руки получают пять. Если сын начальника РАНО разбивает шестую «Мазератти» и у него дома на Кипре, в Испании и, теперь ещё в Альпах. Если учителей заставляют собирать деньги на ремонт, а деньги, выделенные на ремонт государством куда-то пропадают. Поборы с родителей. Да, образование у нас в городе давно платное.)

- За культуру! (За какую культуру? Кинотеатр десять лет «на ремонте», ДК разваливается, музей закрыли, а экспонаты, собранные людьми – исчезли).

- За доблестные полицию и прокуратуру! (Суки, суки, говорить нечего)

- За наш родной Мухосранск, и за людей, которые делают его процветающим!

Я не выдержал, вошел в ресторан, схватил со столика бутылку «Боржоми» и подошёл к мэру Суржикову.

- Вася, а скажи мне, за что вы сейчас пили?

Наступила звенящая тишина.

- За наш любимый город,- улыбнулся криво Суржик.

- За медицину, образование, культуру, которую вы похерили. За то, что у нас самая высокая смертность в стране и самые дорогие лекарства, а вы на народные деньги строите посёлок в Альпах? За то, что у нас уже двадцать лет не ремонтируются дороги, а деньги на них выделяются? За то, что твоя дочь школьница получает миллион рублей в месяц зарплату, а работники холдинга, которые горбатятся день и ночь по 8 тысяч? За то, что вы жируете, а люди еле сводят концы с концами? Может вы перестанете государственные деньги через твоего старшего сына, которого ты устроил в крупный госбанк, переводить за границу, а вложите их в дороги, хозяйство, образование и медицину? Помнишь своего школьного друга Егорку Ефремова, как он пришёл к тебе денег просить на операцию маленькой дочери, наши суки в области такие деньги запросили, ты сказал ему, что денег нет, а твой сынишка фотки выкладывал, как он в Куршавеле шампанское пьёт по пять штук евро за бутылку? Весь город на её операцию деньги собирал, и то не хватило, потому что у них денег нет. Бабулька мешок картошки притащила из деревни, говорит, мол, продайте, а деньги девочке отдайте. Если бы не Ольга, умерла бы девчушка. Ты же как был бандитом в девяностые, так им и остался, перекрасился, конечно, в партию вступил, возглавил, чтобы отовсюду бабло качать. Ты ж сука всё, что можно разворовал и дружки твои,- я кивнул на прокурора и главного полицейского,- тебя покрывают, подчищают за тобой. Неугодных в тюрьму, угодных в Москву. Наш народ терпелив, но и его терпению придёт конец, хлебнёте тогда всей семейкой и сотоварищи…

- Ты что, с-сука, творишь?- зашипел Суржиков и побагровел, - ты кто такой? Забыл, кто тебя кормит? Сдох бы с голоду, как собака, если бы тебе не подбрасывали заказы эти люди. Да я тебя, мудака, расстреляю, поставлю к обрыву, дам всем по пистолету и будут в тебя стрелять, а кто не выстрелит, того тоже рядом поставят. Нет, это мало, мы тебя будем резать пилой, чтобы орал и мучился, а твою сраную голову отрежем последней, когда ты уже орать не сможешь, да я тебя…, да…, взять.

Мне было очень страшно, звиздец, как страшно. Я, как в замедленной съёмке, увидел телохранителей Суржика, которые вскакивают с места и рванул в другую сторону, в открытое окно, на бегу увидел, как Колька что-то орёт и валит под ноги быков стол. Я рванул, петляя, как заяц в сторону посёлка, за спиной слышал крики и, как заводится машина.

- Не уйти, - мелькнула мысль, душа провалилась в пятки.

В какой-то момент появилось желание повернуться и поднять руки, но взглад метнулся за парапет, где-то там была тропка, крутой спуск вниз. Мозг не успел дать команду, а тело рухнуло вниз, в обрыв. Не помню, как скатился, или сбежал, ободрал ногу, прижался к скале. Сверху слышались голоса и светили фонариком. Не знаю, сколько так пролежал. Сушняк, чудом сохранившаяся бутылка, почему не выпустил из рук? Не знаю. Отхлебнул воды, полегчало. Адреналин шкалил, голова болела. Я встал и пошёл.

Убитый позавчера,

Расстрелян плохой погодой,

Ведь жить теперь снова не модно,

Мне кто-то сказал вчера.

Сижу на камне, встречаю рассвет. Бежать не куда. С дороги меня хорошо видно. Интересно, попытаются вытащить, чтобы убить или так, в затылок или спину, из винтаря или автомата. Прятаться не буду. Жду, зажмурившись, ничего не происходит.

Потом уже я узнал, что мою речь снял кто-то из обслуги и ответ мэра. Что ночью видео попало в сеть, а утром специальная команда Следственного Комитета рванула в Мухосранск, но за час до этого верные люди позвонили и предупредили об этом. Мэр и прокурор, решив, что замести следы не успеют, наняли катер, чтобы доставил их в Грузию морем, но их перехватили пограничники. Охранники мэра открыли пальбу и их всех расстреляли, вместе с мэром и прокурором. Начальник полиции оставил свою должность в Мухосранске и перебрался в другое место, а Коля стал подполковником. Громкие дела, но никого не посадили, почему-то.

Но это потом, а сейчас сижу на камне и жду выстрела в голову.

- Эй, Робин Гуд, ты домой поедешь?- поворачиваюсь, на краю обрыва стоит Коля и машет концом верёвки,- поднимайся, все обосрались и разбежались, а девчонки ждут.

P.S.

Убитый позавчера,

Расстрелян плохой погодой,

В грудь били лихие годы,

Да слабое пламя костра.

Готовлюсь встречать Новый год. Купил немного салатов, бутылку дешёвого пойла, который только называется вискарём. С работой как-то не очень, деньги, отложенные на чёрный день, тают на глазах. Проверка из Москвы прошла, народ сначала воспрянул, думал, пришли перемены, но ничего не изменилось, только некоторая элитная недвижимость сменила владельцев, да элитные тачки поменяли номера на московские. Ну, и может, некоторые фамилии исчезли из списка Мухосранского Форбс. Из Москвы назначили нового мэра и нового прокурора. Каждый приехал со своей свитой. Коляшу поощрили, дали очередное звание, подполковника, но отстранили от всех дел. Новый начальник полиции, проворовавшийся в соседней области, привёз своих людей. Меня тоже таскали в следственный комитет на допрос, интересовались, насколько я был близок к местной элите, но поняв, что взять с меня нечего, интерес ко мне охладел. Семья Суржика, продала всё имущество и свалила в Австрию на ПМЖ всем составом, оказывается, у них давно уже было иностранное гражданство. Денег, которые они вывезли, им должно хватить на три жизни. Посёлок в Альпах продолжили строить уже люди из Москвы, наверное, на деньги из бюджеты какого-нибудь подмосковного Мухосранска. Мэр, назначенный из Москвы, проиграл местному директору завода на выборах. Новый мэр, Олег Широков, местный активист, поднял всем бюджетникам зарплаты, заложил три детских садика и новую школу, начал строить дороги. Но месяц назад погиб в аварии, ехал в Москву, к самому, но водитель "Камаза" с песком вылетел на "встречку", погибли Олег и его водитель. Город снова возглавил мэр, назначенный из Москвы, и первое, что он сделал – это отменил повышение зарплат бюджетникам и «заморозил» все назначенные стройки. В общем…, ничего не изменилось.

Вот и сейчас, за окном шёл снег, накрывая белым покрывалом фундамент заложенного во дворе детского сада. По слухам, какие-то коммерсанты из Москвы выкупили землю, и будут строить торгово-развлекательный центр, он нужнее, чем детский садик и школа.

В дверь позвонили. Я напрягся, если честно, никого не ждал и не хотел видеть. Посмотрел в глазок, за дверью стояла ОНА, в шубке и меховой шапке, запорошенной снегом и с двумя пакетами. Оля.

- Привет, с наступающим!- защебетала она, когда я открыл дверь,- я к тебе, примешь?

-Конечно,- я обнял её, снег под моими руками стал таять, рубашка промокла, но я не отпускал её, ищя губами её губы. Она потянулась навстречу и мы долго целуемся.

- Пу-пусти, отнеси пакеты на кухню, прикупила к столу,- я поставил пакеты на пол, помог ей снять шубку. В коротеньком платье, стройная, миниатюрная, чудо как хороша. Я залюбовался, мне её захотелось, сейчас же, прямо в коридоре, штаны вздыбились в районе ширинки. Она увидела, покраснела,- давай потом, я специально пришла, чтобы встретить с тобой Новый год.

- Да,- я немного смутился,- давно хотел тебе сказать...

- Потом скажешь, можно, а то времени мало осталось, а надо на стол приготовить, помоги лучше.

Мы пошли на кухню, где она развила бурную деятельность. Она принесла с собой шампанское, какие-то деликатесы, которые мы раскладывали по тарелкам, сервировали стол. Я ради такого случая даже надел костюм, не в трениках же встречать Новый год, особенно, когда напротив тебя сидит такая женщина. За десять минут до Нового года, я налил шампанского ей и себе:

- Олечка, давно хотел тебе сказать... Я тебя люблю, ты мой всегда желанный и любимый человечек. Прости, что тогда у нас не сложилось, я виноват... . И сейчас хочу повторить то, что сказал тебе тогда... . Выходи за меня замуж!

Она покраснела, а потом сказала:

- Я согласна.

Мы чокнулись, выпили, я обнял её, мы долго целовались. Потом пили под бой курантов. Я не мог на неё налюбоваться. Потом мы как-то перебрались на диван. Я раздевал её медленно, целую всё тело. Кожа в местах поцелуев розовела, она тяжело дышала, то напрягалась, то расслаблялась, а я наслаждался моментом. Провёл языком от пупка в ложбинку между грудок, оставив мокрый след. Лизнул один сосок, потом второй, она застонала, сильно сжала ноги. Я просунул туда руку, там было мокро. Её трясло:

- Давай, давай, я не могу больше, давай,- хрипела она.

Я развёл в стороны её ноги, провёл языком по внутренней стороне бедра до маленькой, гладкой щёлочки, она завизжала и тогда я грубо в неё вошёл.

Узенькая, очень узенькая, мой член скользил туда-сюда, сильно сжатый, поэтому я быстро кончил, в неё, презерватив даже не стал надевать, своего рода проверка, серьёзные у неё намерения или нет. Я отвалился в сторону, она чуть повернулась и закинула на меня свои точёные ножки. Я, чуть сместился в сторону, и прикусил её сосок.

- Подожди, чуть-чуть,- голос её сильно дрожал,- я хочу от тебя ребёнка.

- Я тоже хочу, чтобы ты родила мне ребёнка, я постараюсь ему быть хорошим отцом.

- Я знаю, ты хороший, светлый.

Мы немного полежали. Она повернулась, оголила мою головку и стала облизывать, аккуратно, нежно. Мой боец вскочил. Она села на него сверху и стала медленно раскачиваться. Такого со мной никогда не было, я зарычал и кончил второй раз. Мы лежали долго, её голова лежала у меня на груди, я гладил её светлые, мягкие волосы.

- Знаешь, меня переводят в область, я буду возглавлять там медицину.

- А грымза твоя?

- Её переводят в Москву, она потихоньку начала сворачивать свой бизнес, закрывает аптеки, клиники. Она уже много заработала. Ещё пару лет и заслуженная пенсия, где-нибудь на Кипре или в Италии, она купила там недвижимость.

- А ты?

- А что я? Попытаюсь наладить так, чтобы людям было хорошо. Мне много не надо, воспитана не так. Отец умер от рака, мама от сердечного приступа. В обоих случаях требовали деньги, большие. Так не должно было быть. Врачи скорой помощи кололи отцу вместо обезболевающих физраствор, а лекарство списывали и продавали «налево». К маме не приехала «Скорая», вернее приехали, когда она умерла. Так не должно быть, понимаешь.

- Понимаю, к сожалению, понимаю, что ты скоро станешь неугодной, бессеребренников у нас не любят у власти, они как бельмо на глазу у этой пиздобратии, и тебя уберут с этой должности, а пока… , я могу чем-то помочь?

- Да, ты хороший журналист, могу взять тебя пресс-секретарём.

- Это предложение переехать в область?

- Это даже не обсуждается,- засмеялась она, потом навалилась на меня сверху, мы долго целовались.

Вдруг в дверь позвонили. Мы оба вздрогнули:

- Ты кого-то ждёшь?- спросила она.

- Да нет, никто не звонил, в гости не собирался.

- Тогда, может, не будем открывать?

- Давай не будем.

В дверь продолжали настойчиво звонить и стучать.

- Саня, Саня,- открывай, услышал я громкий Людкин голос.

- Может его дома нет?- спросила Ленка.

- Да дома, он дома, Саня, открывай, открывай,- крикнул Коля и дверь вздрогнула от сильного удара.

- Не уйдут, придётся открывать - сказал я Оле,- дал же Бог одноклассников.

И мы стали быстро одеваться… .